

«Попасть в Ла Скала? Легко!»

Совет, как умудриться увидеть изнутри самый знаменитый музыкальный театр мира, дал «ОГ» директор музея Ла Скала Ренато Гаравалья

Ирина КЛЕПИКОВА

Он приехал в Екатеринбург почти инкогнито, никак не афишируя своего визита. Интервью стало делом не просто случая – чуда. Мимолетное изумление-огорка от коллег из Екатеринбургского оперного: «А у нас на репетиции, оказывается...» – и я в театре. Встреча не была даже в чистом виде эксклюзивом, беседа один на один. Вокруг нас троих (плюс переводчик) по периметру репетиционной комнатки – несколько сотрудников Оперного. Эмоционально реагируют на некоторые открытия Гаравалья, помогают уточнением вопросов. Сама ситуация эксклюзивна: когда и кто ещё на Урале услышит о Ла Скала из первых уст?

–Сеньор Ренато, другой театр – чужая жизнь? Или, открыв двери Екатеринбургского оперного, вы ощутили себя в родной стихии? Как дома?

–Как дома. Сразу же. Оперные театры во всём западном мире достаточно похожи друг на друга. Здесь дышит одним воздухом. Сначала попадаешь в атмосферу кажущегося беспорядка (особенно во время подготовки спектакля, предпремьерное время). Кажется, что ничего не будет работать. Хаос, неразбериха, параллельные движения, нестыковки. Но вот спектакль переносится на сцену, вечер премьеры – и оказывается: всё работает, всё функционирует.

И ещё: во имя совершенного звучания голосов, музыки все европейские оперные залы построены в форме подковы. Ла Скала, Большой – общая конструкция. На Урал приехал – здесь та же подкова! Даже это позволило почувствовать себя в родных стенах. Как дома. Правда, это небольшой театр...

–Простите, может перевод нечеток? Вы сказали: «небольшой»?

–Это половина Ла Скала! В Ла Скала 2300 посадочных мест, шесть ярусов. Сравните со своим театром. Зато, не огорчайтесь, в маленьких театрах – большие преимущества по акустике: здесь не приходится форсировать голос.

В Ла Скала с 2001 по 2004 год прошла реконструкция, был увеличен объем зала. И певец, который впервые выступает на сцене Ла Скала, увидев его большой и высокий зал, элементарно может испугаться. Растеряться. Микрофоны же в опере не используются. А потому ты либо имеешь голос, либо зрители тебя не слышат.

–Мы осведомлены, начитаны об особенностях итальянской публики. Например, после того как в 1904 году «Мадам Баттерфляй» была оживлена в Ла Скала, опера 20 лет не ставилась в театре. Это до такой степени оценка публики может влиять на репертуар?

–Могу говорить о публике только начиная с 1960-х. О том, что видел лично. Я начал ходить в Ла Скала ещё мальчиком. Премьерные представления, особенно в день открытия сезона 7 декабря, именуют, как правило, большой успех. Потому что приглашаются лучшие дирижёры, исполнители. В другие вечера случается по-разному.

На галёрку-лоджоне (а в Ла Скала – два яруса галёрки) обычно приходят зрители, считающие себя экспертами в опере. Это меломаны, фанаты. Они-то и есть самая рьяная публика. Либо поддерживают, либо освистывают кого-то. В 1950-е, золотые годы Ла Скала, в течение одного вечера зрители могли безумно аплодировать Марии Каллас и освистывать Ренату Тибальди. Или наоборот. Но они обе – великие. Просто репертуар разный: одна блистала в одних операх, другая – в иных.

Безусловно, многие певцы обязаны своим успехом

Кто сказал об экспрессии итальянцев? Да, жестикуляция Гаравалья неумёна. Но глаза – как у мудреца-философа

Ла Скала, её публике. Та же Каллас. Её триумф ассоциируется исключительно с выступлениями в Ла Скала. Так же, как и Тосканини – дирижёр прежде всего Ла Скала. Но и они, великие, влияли в свою очередь на судьбу театра. Когда-то Ла Скала была частной компанией, принадлежал элите Милана. Например, какая-нибудь ложа могла быть навсегда, на годы, откуплена одной семьёй. Но в 1921 году Тосканини способствовал передаче Ла Скала в собственность государства.

–Раз уж вы коснулись истории... Ла Скала по-итальянски «лестница». Откуда такое название у театра?

–Ещё когда Италия была частью Австро-Венгерской империи, в Милане был небольшой придворный театр, находившийся рядом с главным собором города. Но театр трижды горел, так как для освещения использовались свечи, а техники безопасности – никакой. Мария Терезия Австрийская решила построить в Милане большой оперный театр, поручив проект архитектору Джузеппе Пьермарини. На месте церкви в 1778 году он и был построен. Но поскольку церковь называлась Санта Мария дельла Скала, театр и стал называться Ла Скала.

В конце Второй мировой войны, в 1945-м, крыша театра была сильно повреждена: одна из бомб попала в здание. Мэр Милана по окончании войны заявил: «Мы должны дать миланцам хлеб и культуру». И Ла Скала восстановили буквально за два года. Концертном на открытии обновлённого театра дирижировал как раз маэстро Тосканини.

В начале 2000-х Ла Скала был снова закрыт для полной реконструкции. Как это было и в Большом. Сцена была «поднята» подобно пашне – полностью отстроена заново. Сегодня здесь от фундамента до крыши – 56 метров...

–Высота почти 10-этажного дома!

–И всё автоматизировано. Все процессы сценографии управляют через компьютер. На сцене и под сценой – много места. С боков – тоже большое пространство. Только вниз, под землю, здана уходит на 36 метров. Тогда может опускаться сценография целой оперы, а на её место выдвигается другая сцена, с другим спектаклем. И ещё одна, с третьей постановкой, в случае необходимости может разместиться сбоку. Для такого же оперативного выдвижения.

Помню «Аиду» 1985 года – гигантская сценография: пирамиды и сфинксы, приближенные к размерам реаль-

ных. Если в тот период мы хотели ставить ещё одну оперу – декорации первой надо было размонтировать. Сейчас сцены просто перемещаются. Сегодня одновременно могут готовиться к постановке две оперы или опера и балет. Вы же знаете, в серьёзных европейских театрах уже не используются большие нарисованные декорации, как было раньше. Всё строят. Например, если режиссёр в каком-то спектакле хочет, чтобы на сцене был дом, – дом строят. Прямо на сцене. Так же и с кораблём (смеётся).

–И где же хранятся декорации таких масштабов?

–В окрестностях Милана существует большой склад. Также вне здания театра – лаборатории, где над созданием спектакля работают в общей сложности 150 человек. Ла Скала – из тех немногих театров, которые в творении сценографии обходятся исключительно собственными силами: есть рабочие по дереву, по пластмассе, для железнодорожных работ, свои портные. Для каждой оперы шьются новые костюмы. Например, для «Аиды» необходимо более 300 костюмов. Но если через год-два ставится новая «Аида», с другим режиссёром – шьются новые 300 костюмов, и хранятся 40 тысяч костюмов.

Для наседом музея это настоящая удача. Представьте, где, сколько разные экспозиции можно составить! В музее – 15 отдельных помещений (опущу за спиной общее изумление участников встречи: музей Екатеринбургского оперного размещён в одном небольшом холле – И.К.). На первом этаже – девять комнат: там постоянная экспозиция. Коллекция была приобретена в 1913 году у одного коллекционера из Парижа. Картины, музыкальные инструменты – все они так или иначе связаны с историей театра. Кстати, наша экспозиция – это не музей Ла Скала, больше – общетеатральный музей.

–Но находится-то музей в здании Ла Скала?

–Да-да! И это тоже огромная удача. 80 процентов посетителей – иностранцы: японцы, русские, англичане, американцы. Начинают «подтягиваться» китайцы. В год до 250 тысяч посетителей! Ведь билет в музей даёт возможность осмотреть изнутри и сам театр, и даже увидеть из зала сцену...

–Постойте, но ведь днём на сцене идут репетиции?

–Специально для этого и специально на это время в шести ложах выдвигаются-устанавливаются стёкла, сквозь которые ничего не слышно. Таким образом го-

сти не мешают репетиционному процессу. Только фотографировать нельзя!

–Итак, на первом этаже музея – девять комнат, а...

...а на втором – шесть и большая театральная библиотека. 150 тысяч книг по истории театра и истории музыки (снова вздох изумления за спиной – И.К.). В 1950-х годах библиотека была подарена музею. Здесь же, в библиотеке, – пространство для выставок, в первую очередь – для выставок костюмов. Каждые три-четыре месяца мы представляем новую экспозицию, из тех самых 40 тысяч костюмов, что хранятся на складе.

–Сколько же сотрудников в самом музее?

–Вместе со мной – десять. Семь хранителей, один куратор библиотеки и один гид, который по просьбе зрителя (для этого его надо «забронировать» заранее) проводит экскурсию и по театру. Экскурсия может длиться час или два с половиной. На большие экскурсии мы приглашаем по пять человек: они могут пройти даже на сцену, побывать под крышей театра, где находится механизм огромной люстры – раз в год её опускают в партер, чтобы поменять лампочки, почистить.

–Библиотека Ла Скала – это только научная, внутренне-театральная работа или?

–Здесь могут заниматься даже студенты. Только надо заранее известить, какая книга нужна, и получить приглашение. Есть специальная комната для занятий, так как домой книги не выдают. Картоотека у нас, правда, ручная, электронной пока нет. Конечно, это было бы замечательно, но, видимо, я до этого дня уйдё уже на пенсию (смеётся), так как электронный каталог – проект долгий и дорогостоящий.

–Известно, что с момента основания Ла Скала неизменно открывает сезон 7 декабря, в день Святого Амброзия, покровителя Милана. И обычно – это...

...оперные премьеры. При этом оперы – самые любимые, хитовые, дорогие сердцу публики. А ещё этот вечер посвящён по традиции спонсорам Ла Скала, поэтому билет в партер на вечер, открывающий сезон, стоит две тысячи евро.

Но вот уже несколько лет у Ла Скала новый генеральный директор – Стефан Лиснер, и по его решению за два дня до официального открытия сезона устраивается обычно благотворительный вечер для студентов, молодёжи: билеты стоят очень дешево. Ну, а после 7 декабря возобновляются обычные цены на спектакль: в партер – 250 евро.

–В истории Ла Скала были и «Евгений Онегин», и «Борис Годунов», и «Пиковая дама». Ставится ли сегодня русский репертуар?

–Редко. Последней оперой из русских был как раз «Евгений Онегин» – совместный спектакль с Большим театром. Ну, а нынче вообще не «русский сезон»: главная тема – Верди и Вагнер, 200-летие со дня рождения того и другого композитора.

Нынешний сезон открылся оперой Вагнера «Лоэнгрин». На 7 декабря 2013 года намечена «Травиата» Верди.

–200-летию Верди Екатеринбургский оперный посвятил нынешнюю, шестую в истории театра, постановку «Отелло». Впервые эта опера увидела свет именно на сцене Ла Скала. В музее что-то осталось от тех раритетных артефактов?

–Ничего. И это даже объяснимо: первая постановка «Отелло» состоялась в 1887 году. Вообще, авторские права на все оригинальные партитуры Верди принадлежат издательскому дому «Рикарди». Кроме, правда, партитуры Реквиема Верди – она принадлежит нашему музею: в 1950-х годах один из банков сделал такой щедрый жест, выкупил и подарил музею партитуру Реквиема.

В 2013 году исполняется 100 лет нашему музею. К юбилею, с октября по декабрь, у нас будет большая выставка. В числе многого планируется представить партитуру Реквиема Верди, письма музыкантов к композитору. Оригиналы! А ещё – посмертную маску Верди, сделанную в гостиничном номере, где он умер.

–Театр Ла Скала и сам по себе – музей. В таких случаях даже при суперсовременной реконструкции стараются сохранить то, что несёт в себе аромат эпохи...

–И в Ла Скала всё сохранено, как было в 1778 году. Даже цвет тканей в ложах. Единственный – тканни пропитаны противопожарным раствором. Паркет, который был положен в 1950-60 годы, сейчас убрали, восстановили изначальную структуру пола – дерево, мрамор тех же пород, что и в XVIII веке.

–А, например, гримёрка Каллас? Её веер? Костюмы Нурева?

–Приглашённые солисты всё с собой забирали (смеётся). Никто ничего не оставил. Нурев много танцевал в Ла Скала, но у нас только два его костюма. Зато от Каллас как раз осталось 20-25 костюмов (кстати, больше ни в одном театре мира нет её костюмов) – и несколько лет на-

зад мы устраивали выставку этих реликвий...

–Когда спектакль сходит с афиши, кто и по какому принципу определяет, что из декораций, костюмов подлежит хранению, а что – увыв...

–Хранится всё! Как раз на том огромном складе-запаснике в пригороде Милана. Но некоторые спектакли-ветераны (улыбается) не подлежат хранению. Они... продолжают идти. Например, до сих пор в репертуаре «Богема», которую Дзеффирелли поставил в 1960 году. Более полувек! Попробуйте найти ещё такого оперного долгожителя. А всё потому, что это идеальная постановка. По общему мнению, трудно поставить спектакль, превосходящий «Богему» Дзеффирелли. Факт тем более удивительный, что, учитывая планы Ла Скала, режиссёрские новации, задействованность мировых звёзд, в основном-то судьба спектакля в нашем театре – один сезон.

Иногда, кстати, спектакли продаются другим театрам. Со сценографией, костюмами. Например, в Италии только в двух театрах ставят тетралогия Вагнера «Кольцо Нибелунгов» – в Милане, в Ла Скала, и в Палермо. В июне у нас, кстати, две недели будут идти, чередуясь, только оперы этой тетралогии. Такой специальный абонемент. Декорации меняются легко, так как в некоторых сценах антураж проецируется на экран. Например, если сцена происходит в лесу, то даётся изображение настоящего леса. Живого. С трепетом листьев. Со светотенями.

–Существуют ли в Ла Скала свои театральные сувениры?

–(Задумывается). Знаю, что Паваротти, когда должен был выступать в Ла Скала, выходил заранее на сцену, находил торчащий из пола гвоздь, вытаскивал его и клал в карман. Как талисман.

–Вопрос на засыпку: возможно ли, приехав в Италию, просто купить билет и попасть в Ла Скала?

–Легко. Теоретически – никаких вопросов. Билеты достаточно дорогие, а в Италии сейчас кризис. Так что случаются вечера, когда на спектакль проданы не все билеты. И если вы за полчаса до спектакля подойдёте в кассу, то, может статься, вам повезёт: билет ценю в 250 евро за полчаса до начала спектакля обойдётся вам значительно дешевле. И хотя на популярные оперы зал всегда заполнен, попасть в театр возможно – на балет или на концерт. Занавес Ла Скала открывается 263 раза в год. Театр закрыт только в августе.

–Ренато, даже в самом Екатеринбургском театре далеко не все знают о вашем визите. Нельзя ли поподробнее: здесь, на Урале, вы с какой миссией?

–Ваш Оперный сотрудничает с Большим театром, а у нас с Большим – общая программа обмена выставками. Кстати, директриса музея Большого была очень растроена тем, что при реконструкции театрального здания ей не позволили сделать музей внутри театра. Объясню: ведь наши 250 тысяч посетителей приходят не столько в музей, сколько – посмотреть театр Ла Скала. Любопытно: когда из-за реконструкции Ла Скала музей был перенесён в другое здание, то количество посетителей снизилось с 250 тысяч до 40 тысяч в год! И это понятно. Туристы хотят видеть в Милане Ла Скала, а в Москве – Большой.

Моя миссия здесь – установить деловые контакты с театром, обсудить, какие выставки мы можем сделать совместно. Ну, а заодно прикоснулся к постановке «Отелло». Режиссёр Большого театра Игорь Ушаков, ставший здесь «Отелло», пригласил меня.

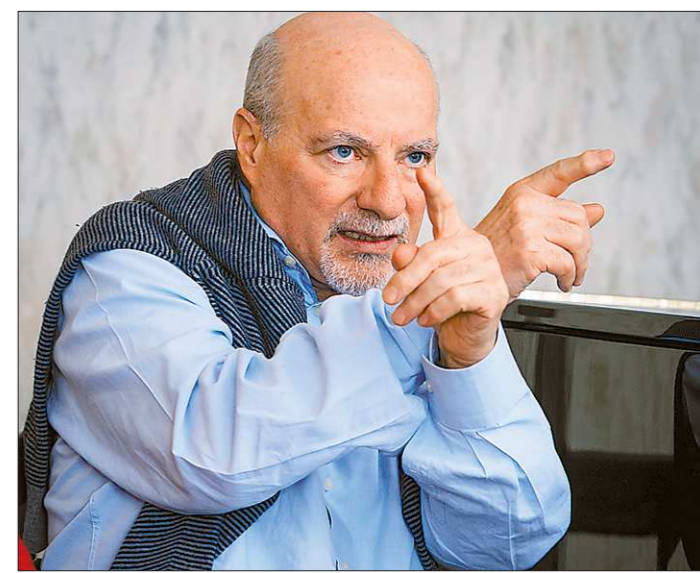
–И чем конкретно вы оказались полезны?

–Я (смеётся) хорошо говорю по-итальянски...

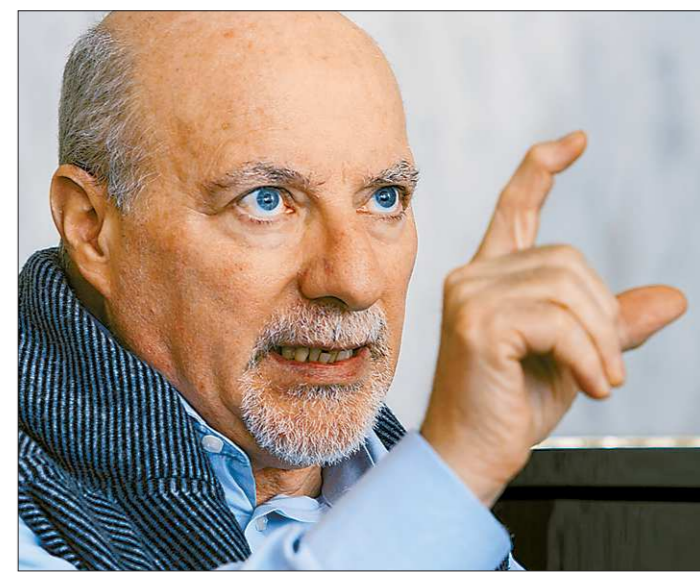
ПАРОЙ ФРАЗ

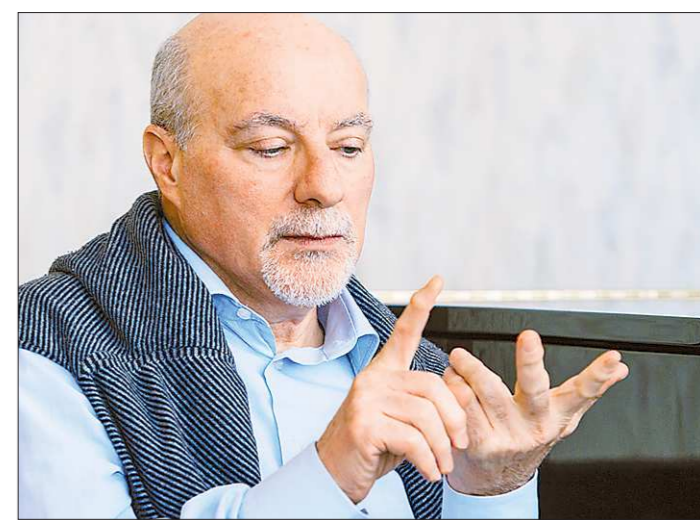
–Штаб Ла Скала – 1000 человек. В оркестре театра – 120 музыкантов, хор – 110 человек, 85 – балетных. Своей постоянной труппы в Ла Скала, как вы знаете, нет. 40 лет назад она была, потом распустили. Сейчас, как известно, певцов приглашают. Лучших. Со всего мира. Но певцы, которые учатся в академии при Ла Скала, раз в год – в сентябре или октябре – тоже ставят оперу. И наиболее заявивших о себе театр потом приглашает в свои постановки. А вот в балете как раз – труппа постоянная

–Однажды мы целый сезон посвятили детскому репертуару. А ещё у нас есть специальная образовательная программа для детей от пяти лет. Мои коллеги рассказывают детям, что такое опера, Ла Скала. Дают послушать музыкальные инструменты

–Последний «Отелло», с дирижёром Рикардо Мути, был у нас 15 лет назад. «Отелло» – очень сложное произведение. У публики Ла Скала к этой опере Верди большие претензии, большие ожидания. Если, на взгляд зрителя, певцы поют плохо – от свиста может упасть ложа

–За сезон ставится 13-14 опер, восемь балетов и какой-нибудь концерт. Из этих 13-14 только 10 – новые, остальные – возобновление спектаклей прошлых лет. Кроме того, у Ла Скала есть и копродукция с театрами Лондона, Берлина, Парижа. И с Большим театром России